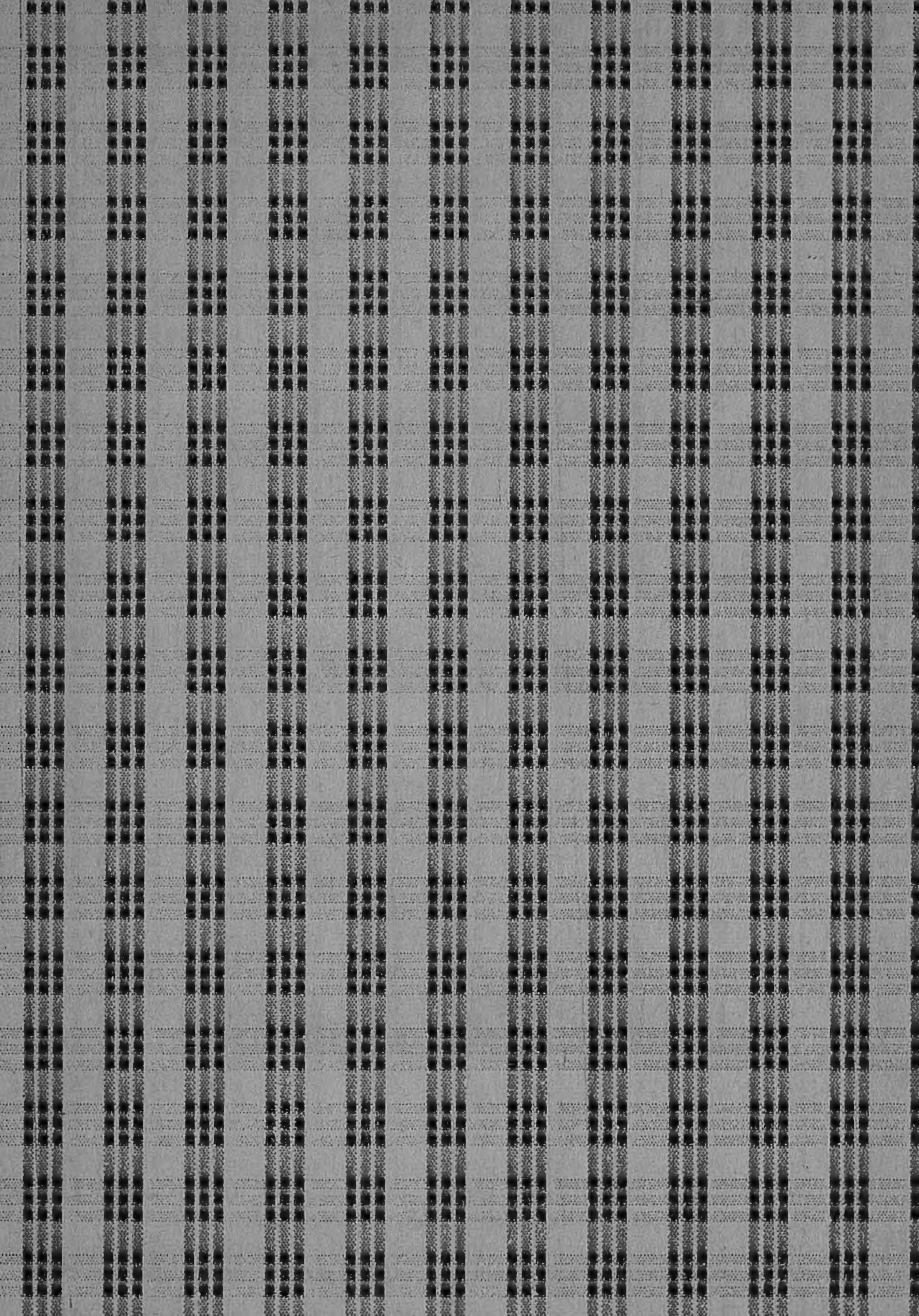
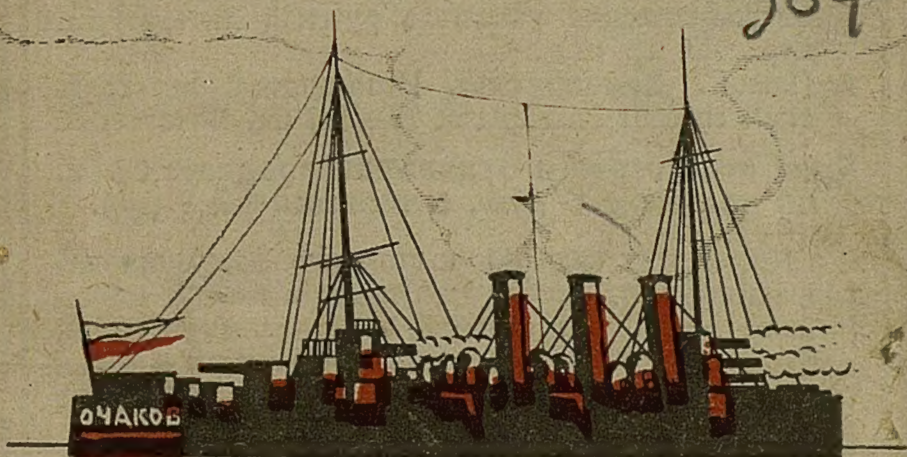

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
„КАТОРГА и ССЫЛКА"

№ 40-41

Ю. БОЧАРОВ

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

МОСКВА
1925

Н. П.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА".

№ 40—41

Ю. БОЧАРОВ

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

(НОЯБРЬ 1905 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1925

Москва, Главлит № 50.912. 35.000 экз.

«Мосполиграф» 16-я типография, Трехпрудный пер., д. 9.

I. Севастополь и черноморский флот осенью 1905 года.

Наступает ноябрь пятого года. Лишь за две недели до этого опубликован пресловутый царский манифест 17-го октября[1]). При своем появлении он вызывает у русской либеральной буржуазии слезы умиления на глазах и возгласы «ныне отпущаеши»... Но спустя несколько дней вся страна уже видит, что манифест остается листом бумаги с кровавым отпечатком на ней треповской ладони. Так изображает его один из сатирических журналов тех дней. По России перекатывается волна черносотенных выступлений, погромов, полицейских и военных расправ, политических убийств...

События октябрьских дней революционизируют широкие массы. Они втягивают в движение и тех, кто до сих пор был далек от участия и даже от мысли о политической борьбе. Всеобщая забастовка становится политической школой не только для рабочего класса, и для масс трудовой интеллигенции. Эту школу октябре проходят даже на отдаленных окраинах России. В Петербурге заседает Совет Рабочих Депутатов—в дни октябрьской забастовки фактическое правительство страны. Революционные партии выходят из подполья. Речи их представителей звучат на всех

1) Все даты в брошюре приведены по старому стилю.

митингах. Из центра разлетаются номера социал-демократических и эс-эровских газет. Создаются новые политические группировки. На прилавках книжных магазинов все книги вытесняются пестрыми обложками социально-политических брошюр. Страна живет напряженной политической жизнью.

Волнения охватывают армию и флот. Опора самодержавия, если еще не изменяет ему в целом открыто, то в значительной своей части становится мало надежной. Пока это касается преимущественно флота. Еще не забыто июньское выступление «Потемкина», а в конце октября уже восстают кронштадтские моряки. Не может остаться в стороне от этого движения Севастополь—главная база черноморского флота, город—военный порт, вся промышленность которого работает только на флот.

В октябрьские дни Севастополь разделяет участь многих городов России. После получения здесь известия о манифесте войска стреляют в мирную манифестацию. Похороны жертв этой расправы служат для севастопольцев уроком российской конституции, а вместе с тем поводом для новой манифестации. Обещанным гражданским свободам приходится в Севастополе расцветать в рамках усиленной охраны и военного положения. Население избирает здесь своеобразный Совет Народных Депутатов. Робкая городская дума не может не допустить его к участию в своих заседаниях, но членам Совета все-таки отказывает в праве решающего голоса. Здесь в конце октября и начале ноября бастуют рабочие и ремесленники и добиваются удовлетворения значительной части своих требований. Здесь в ноябре забастовка охватывает даже учащихся средней школы.

Волнения среди матросов-черноморцев помимо общего возбуждения, охватившего страну, вызываются особыми условиями матросского быта и последними событиями в жизни черноморского флота.

Указать точнее, что волновало в Севастополе матросскую и солдатскую массу, это значит—перечислить требования, выставленные несколькими неделями позже в дни восстания. При выработке их играет роль долгий срок службы, перегрузка посторонними и бесполезными судовыми работами, незначительное денежное содержание, неудовлетворительная пища, суровый режим, грубое обращение «драконов»-офицеров, целый ряд ненормальностей в прохождении службы, жизни на судах. Немалую роль играет и то, что война окончена, а призванные из запаса все еще не распускаются по домам. Наконец, матросов крайне волнует судьба некоторых из их товарищей, участников революционного движения. В конце августа за попытку восстания на транспорте «Прут» расстреляны четыре матроса [1]). 38 других матросов-«крутовцев» по приговору военно-морского суда ушли в сибирскую каторгу. Список казненных пополняется двумя матросами с броненосца «Георгий Победоносец» [2]). На «Пруте», как в пловучей тюрьме, содержатся участники восстания на «Потемкине». В ноябре «потемкинцам» предстоит стать перед лицом суда. Без сомнения, их ждут, как это было уже с «прутовцами», закрытое судебное разбирательство, потом новые казни. Матросы хотят, чтобы их товарищи, впервые выступившие с оружием в руках, были отданы им на поруки, преданы открытому гласному суду.

---

[1]) Восстание на «Пруте» произошло в дни восстания на броненосце «Князь Потемкин Таврический». Находясь в плавании, команда арестовала офицеров, транспорт пошел на соединение с «Потемкиным», но, не найдя его в Одессе, по настоянию большинства команды, вернулся в Севастополь. Процесс 42 участников восстания на «Пруте» происходил в конце июля 1905 г. 25 августа были расстреляны в Севастополе по приговору суда матросы А. Петров, Титов, Черный и Бондаренко.

[2]) Матросы Кошуба и Дейнега были расстреляны за участие в потемкинском восстании.

Недовольство во флоте является почти всеобщим. Движение нарастает стихийно. Незначительный повод может превратить его в восстание, которое далеко оставит за собою по своему размаху восстание «потемкинцев». В. И. Ленин предвидит это уже летом, когда, после потемкинских дней, пишет: «Новые, еще более энергичные попытки образования революционной армии последуют неминуемо за событиями в черноморском флоте» [1]).

Чтобы быть успешным, движение нуждается в руководстве. Партийное руководство, однако, слабо. Социал-демократическая организация в Севастополе невелика. Эс-эровская еще слабее. «Массы готовы были итти за первым попавшимся революционером, совершенно не отдавая себе отчета в том, чего хочет этот революционер... Матросские массы отдали предпочтение руководительству социал-демократов только потому, что вся прежняя революционная работа во флоте велась социал-демократами, и потому, что под социал-демократическим флагом происходили все революционные выступления в Севастополе и июньское восстание на «Потемкине» и других судах». Так, еще в 1906 году об'ясняет успехи социал-демократической пропаганды в матросских массах один из руководителей ноябрьского восстания, член центра севастопольской социал-демократической военной организации, меньшевик И. П. Вороницын [2]). Если с ним можно согласиться относительно малой политической подготовленности матросской массы в целом. то все-таки надо отме-

---

[1]) «Революционная армия и революционное правительство» («Пролетарий», 1905 г., № 7).

[2]) «Протоколы первой конференции военных и боевых организаций Р. С.-Д. Р. П.» СПБ., 1907, стр. 64. Помещенный здесь доклад Вороницына перепечатан в издании Центроархива—«Лейтенант Шмидт. Тюрьма, воспоминания, документы». «Новая Москва». М., 1922, стр. 232—242.

тить, что эта масса, по своему социальному составу в большей части рабочая, в лице своей верхушки, наиболее сознательных матросов, сильнее тяготела к партии пролетариата, чем к эс-эрам. После потемкинского восстания матросские ячейки на судах, руководимые социал-демократами, растеривают свои прежние связи. Только в начале ноября удается, наконец, создать центральную военно-морскую организацию. Из «вольных» социал-демократов сюда входят два меньшевика (большевики в это время в Севастополе были представлены очень слабо)—упомянутый И. Вороницын («Константин») и И. Канторович («Николай»). Остальные члены центральной организации—военные. Среди них видную роль играет машинный квартирмейстер[1]) броненосца «Пантелеймон» (так, чтобы сгладить память о происшедшем на нем восстании, переименовали «Потемкина»), И. Сиротенко. Несмотря на слабость своих сил, севастопольская социал-демократическая организация время от времени выбрасывает в массы прокламации, а в октябре и ноябре выпускает даже газету «Солдат».

Новый военный центр приступает к работе. Начинаются совещания, решается вопрос о возможности поддержки со стороны матросов выступления рабочих, вырабатывается план подготовки восстания. По этому плану военная организация должна включить в себя по возможности представителей всех частей гарнизона, в частях должна проводиться как политическая агитация, так и агитация на почве экономических нужд. Выдвинута мысль о забастовке, как о средстве борьбы и подготовки к восстанию.

События во флоте, однако, развиваются значительно быстрее, чем то предполагают члены руководящего центра.

---

[1]) Машинный квартирмейстер—один из унтер-офицерских чинов в царском флоте.

Митинги в городе увлекают матросскую массу. Над устройством их для моряков работает воссоздавшаяся социал-демократическая организация. Происходящие 6-го ноября два митинга собирают до 600 человек. Лозунги выступающих ораторов социал-демократов подхватываются массой. Вечером 9-го числа на митинг у Лазаревских флотских казарм собирается до тысячи матросов и солдат 49-го пехотного Брестского полка. Два флотских офицера, пытавшихся выступить с речами о святости присяги и чести мундира, были освистаны толпой. На другой день митинг созывается самими матросами. Здесь выступают, прощаясь с товарищами, уволенные в запас, уезжающие из Севастополя. На всех митингах говорят о необходимости организоваться и бороться за улучшение положения нижних чинов. Много возбуждения вносит упоминание о предстоящем суде над «потемкинцами». Решают выбрать депутатов для выработки требований, которые должны быть пред'явлены начальству. Настаивают на том, чтобы отказ в выполнении их повлек за собой забастовку. Настроение матросской массы растет. Ораторы-меньшевики пытаются сдержать расходящиеся страсти, противопоставляя охватывающему массы возбуждению указания на необходимость организоваться.

Хотя в брожении находится матросская масса почти целиком, однако, революционные настроения, тем более готовность действовать, далеко не у всех матросов на-лицо. Наиболее революционно настроены матросы, находящиеся в казармах на берегу, и судовые команды броненосца «Пантелеймон» и крейсера 1-го ранга «Очаков». На «Пантелеймоне» Сиротенко каждый вечер устраивает митинг и ведет социал-демократическую пропаганду. На собраниях военно-морской организации он заявляет, что в том случае, если броненосец отправится в плавание, на нем вспыхнет восстание. Не менее революционен и «Очаков». Это

только-что законченный постройкой крейсер. Он уже стоит на рейде, но на нем продолжаются еще разного рода работы. Около трехсот вольнонаемных рабочих, постоянно занятых на крейсере, соприкасаясь с его командой, еще более поднимают ее настроение своими беседами. 8-го ноября оно разражается волнениями среди машинной команды крейсера. Командир крейсера требует, чтобы собравшаяся команда разошлась, грозит ей наказаниями. В ответ раздаются возгласы: «Долой командира!» На другой день часть команды крейсера при под'еме флага не отвечает командиру на его приветствие. Прибывающему на судно военно-морскому прокурору команда через машиниста А. Г. Гладкова заявляет жалобу на грубое обращение командира и на неудовлетворительность пищи.

В другое время такой жалобы было бы достаточно, чтобы командный состав принял решительные меры для удержания матросов в рамках дисциплины. Но теперь у начальства—даже высшего—чувствуется некоторая растерянность. Приехавший на «Пантелеймон» главный командир черноморского флота, жестокий усмиритель всех матросских волнений, вице-адмирал Чухнин, выведенный из себя обращением к нему Сиротенко, приказывает арестовать его. Команда отказывается выполнить приказание, и Чухнин вынужден покинуть броненосец. Уезжая, он приказывает свезти на берег ударники от орудий. Пловучая крепость остается, таким образом, обезоруженной.

При возбужденном настроении матросов неосторожный шаг со стороны начальства легко может толкнуть массу на выступление. Чухнин делает этот шаг 11-го ноября.

II. Одиннадцатое ноября.

В этот день, вечером, по обыкновению должен был состояться митинг на площади между флотскими казармами и казармами Брестского полка. Тем не ме-

нее агитаторы социал-демократы, явившись на площадь в назначенный час, застают ее пустой. Оказывается, по распоряжению Чухнина ворота экипажей заперты: главный командир флота распорядился митингов во что бы то ни стало не допускать. Для этого назначено было несколько боевых рот из состава 28-го флотского экипажа[1]) и учебной команды 50-го пехотного Белостокского полка.

Роты, получившие боевые патроны, приходят на площадь. Сюда начинают стекаться отдельные кучки матросов и затронутых пропагандой солдат-брестцев из соседних казарм. К ним присоединяются рабочие адмиралтейства[2]), живущие в соседних городских слободках—Корабельной и Татарской. Собралось уже около пятисот человек.

Митинг начинается в тот момент, когда на площади появляется начальник штаба черноморского флота, контр-адмирал Писаревский. Находящийся в составе боевой роты матрос 28-го флотского этипажа Петров[3]), стоя у забора машинной школы, случайно слышит во дворе школы беседу зашедшего туда Писаревского с командиром роты белостокцев, штабс-капитаном Штейном. Писаревский излагает провокационный план расстрела толпы. Возмущенный услышанным, Петров сквозь щели забора делает три выстрела из винтовки. Первым выстрелом ранен Писаревский, вторым—смертельно—штабс-капитан Штейн. Третий выстрел, предназначавшийся еще для одного из офицеров, неудачен[4]).

---

[1]) Экипажем во флоте называется воинская часть, приблизительно соответствующая в армии полку.

[2]) Адмиралтейство—место, где производится постройка, ремонт, снабжение судов.

[3]) Брат А. Петрова, казненного по делу «прутовцев».

[4]) Подробности покушения 11-го ноября, в последнее время рассказанные самим Петровым («Каторга и Ссылка», 1925 г., № 5 (18), вносят существенные поправки в обычно повторявшуюся версию рассказа об этом покушении.

Петрова арестовывают и ведут во флотские казармы. Во дворе казарм матросы требуют у своих офицеров освобождения арестованного. Под их давлением начальство отпускает Петрова, при чем обязывает его не покидать казармы и уговорить товарищей разоружиться.

Барабан сзывает матросов на митинг... Петров во дворе кричит товарищам:

— Не разоружайтесь, а, наоборот, старайтесь вооружиться!..

Из матросской толпы несутся голоса:

— Восстание!... смерть драконам!...

Матросы врываются в офицерское собрание, разоружают офицеров и удаляют их за ворота казарм. Солдаты-брестцы смешиваются с матросами. Начинаются два митинга: один—во дворе флотских казарм, другой — на площади, где только-что прозвучали выстрелы.

Меньшевики пугаются того, что возбуждение грозит перейти в восстание. Меньшевичка Н. Вольская убеждает вооруженных матросов отказаться от мысли итти к офицерскому собранию. Вороницын, который в это время выступает на одном из митингов, делает все возможное, чтобы ослабить впечатление от выстрела Петрова. Этот выстрел до некоторой степени разрежает сгустившиеся настроения. Матросы поротно приступают к выборам депутатов. Поздно вечером под председательством Вороницына открывается первое совещание депутатов. Совещание решает офицеров отпускать, предварительно обезоруживая их. Осторожные руководители массы, меньшевики, стремясь одной рукой развивать события, другой пытаются удержать их ход.

События стихийно нарастают, вовлекая в движение гарнизон. В этот же день в крепостной саперной роте унтер-офицер Барышев пред'являет начальству ряд требований об улучшении положения нижних чинов.

В 3 часа дня на рейде, против Константиновской батареи, «Очаков», выходивший с утра в море на пробу башенных орудий, отдает якорь. Вечером на крейсере получается приказание выпустить жидкость из компрессоров[1]) орудий. Команда встречает этот приказ неодобрительно, но все-таки выполняет его. Одновременно до судна доносится слух о событиях, разыгравшихся на берегу. Матросы начинают волноваться.

III. Черноморцы пытаются привлечь гарнизон.

Утром 12-го ноября комитет флотских депутатов собирается снова. Сигналами с берега судам эскадры предлагается прислать своих депутатов. На заседании появляется несколько солдат Брестского полка, пришедших по собственной инициативе договориться о присоединении к морякам. Комитет обсуждает этот вопрос. Собравшиеся во дворе казарм матросы требуют, чтобы депутаты вели их к Брестскому полку.

Около 8 часов утра манифестация идет к казармам брестцев. Над толпой рабочих, следующих за моряками, развеваются красные флаги. Перед брестскими казармами манифестанты долго стоят, нечего не предпринимая. Вскоре с песнями подходит 49-й запасный батальон и часть артиллеристов-крепостников. Присоединяющихся встречают громким «ура». Наконец, матросы, смяв дежурную роту, врываются в казармы и приглашают солдат присоединиться. Затем все собираются итти в Белостокский полк с целью склонить его на свою сторону.

В это время в брестские казармы приезжает комендант крепости, генерал-лейтенант Неплюев, и временно исполняющий должность начальника 13-й пехотной дивизии, генерал-майор Седельников. Матросы,

---

[1]) Приспособление для уменьшения отката орудий при выстреле.

взволнованные известиями о том, что на Историческом бульваре выставлены по распоряжению начальства пулеметы, пред'являют Неплюеву требование убрать их. Неплюев отказывается. Обоих генералов арестовывают, сажают на извозчика и везут во флотские казармы, где приставляют к ним караул. Матросы обезоруживают также командира Брестского полка полковника Думбадзе[1]), офицеров, после чего их отпускают.

Получив сообщение, что войска в городе стрелять в манифестацию не будут, манифестанты направляются к казармам Белостокского полка. Манифестация носит мирный характер. Во главе колонны—оркестр 31-го флотского экипажа, дальше—моряки, брестцы, артиллеристы, запасный батальон, рабочие Все без оружия. Порядок образцовый, и даже жандармы вынуждены признать, что манифестанты идут «стройными рядами».

Командир Белостокского полка, полковник Шульман, выводит три батальона на расположенную вблизи казарм, перед входом на Исторический бульвар, Новосельцеву площадь. У командного состава в это время зреет свой план действий. Едва только голова манифестирующей колонны появляется на площади, Шульман командует—«На караул!». Белостокский оркестр играет гимн. Солдаты покрывают его своим «ура». Манифестанты смущены неожиданностью. Флотский оркестр повторяет гимн, манифестанты в свою очередь кричат «ура». Нелепая сцена затягивается: оба оркестра еще несколько раз поочередно повторяют гимн, и «ура» с обоих сторон перекатывается по площади, над которой развеваются два красных знамени. Наконец, колонна манифестантов

---

[1]) Впоследствии Думбадзе, в качестве ялтинского градоначальника, снискал всероссийскую известность администратора-самодура.

начинает обходить полк. Белостокцы по команде Шульмана поворачиваются и идут к казармам, манифестанты—за ними. Командир полка ведет солдат мимо казарм—в лагерное поле. Недоумение манифестантов растет, переходя в тревогу. Мелькает мысль: не заманивают ли, не откроют ли солдаты стрельбу в поле. Белостокцам кричат:

— Товарищи, назад! Весь народ просит—не идите, не слушайте офицеров!

Полк останавливается в поле. Манифестанты, повернув обратно, идут в белостокские казармы, пытаются уговорить оставшихся здесь солдат присоединиться, но безуспешно. Находящихся в казармах офицеров почему-то даже не разоружают. Часа два толпа проводит около казарм; наконец, в пятом часу дня двигается обратно в город.

После этого Белостокский полк возвращается в казармы. Офицеры, в ожидании того, что ночью может быть сделана вооруженная попытка овладеть казармами, готовятся к обороне.

В то же время во флотские казармы на заседание депутатов флота является какая-то депутация от артиллеристов, которая, по мнению Вороницына, действует, повидимому, по затее начальства. Депутация заявляет, что артиллеристы присоединятся к морякам только в том случае, если будут выпущены арестованные утром генералы; депутаты угрожают стрельбой, если это условие не будет выполнено. Несмотря на горячие споры, решают генералов освободить.

За одной ошибкой следует другая. Говоря о плане дальнейших действий, депутаты-моряки настаивают на пред'явлении начальству всех требований; дальнейшие действия ставились в зависимость от ответа начальства. Активные действия при этом исключаются. Настроение определяется только в пользу защиты, и то лишь в том случае, если на моряков нападут.

Над выработкой требований работают всю ночь. Наконец, они сформулированы в 17 пунктах. Матросы и солдаты требуют в них: 1) освобождения всех политических—матросов и солдат—с отдачей их на поруки товарищам и преданием их гласному суду; 2) удаления из города боевых рот, казаков, снятия военного положения, отмены смертной казни; 3) неприкосновенности личности депутатов; 4) полной свободы вне службы; 5) устройства библиотек и читален за счет казны с выпиской книг и газет по выбору нижних чинов; 6) вежливого обращения офицеров; 7) увеличения жалованья и выдачи единовременного пособия увольняемым в запас; 8) уменьшения срока службы; 9) производства посторонних работ наемными рабочими; 10) немедленного увольнения всех запасных и сверхсрочно служащих; 11) ежегодного месячного отпуска; 12) отмены военной прислуги для офицеров; 13) ограничения несения служебных обязанностей без пользы; 14) увеличения оклада на приварочное довольствие; 15) урегулирования выдачи обмундирования 16) выдачи пожизненных пенсий получившим увечья на службе; 17) занятий офицеров с нижними чинами по 2 часа в служебное время Кроме того, подтверждается присоединение солдат и матросов к всеобщим российским требованиям немедленного созыва учредительного собрания и введения восьмичасового рабочего дня. Дополнительно к этим общим требованиям вырабатываются требования музыкантов флота, носящие экономический характер.

Среди пехотинцев настроение к вечеру падает. Солдаты Брестского полка, очевидно, обескураженные неудачей с белостокцами, понемногу начинают возвращаться в казармы. Отсюда, захватив винтовки под командой фельдфебелей, прячась от матросов, они выходят в поле и пробираются в белостокские казармы.

Более решительно настроены моряки на судах. Когда делегаты «Очакова», вернувшись с берега, знакомят

команду с выработанными требованиями, офицеры пытаются убедить матросов, что требования не могут быть удовлетворены немедленно. Часть команды, однако, настаивает на их немедленном удовлетворении. «В виду тревожного состояния команды» на крейсере откладывается до утра оглашение полученного приказа Чухнина, об'являющего, что все происходящее на берегу признается за мятеж. Командиру крейсера, против которого особенно настроена команда, разрешено с'ехать на берег «по болезни». Еще решительнее выступают в этот день отдельные «пантелеймоновцы». Сиротенко, находящийся на берегу, задумывает поднять броненосец. Днем он с некоторыми матросами приезжает на судно и обращается с речью к команде. На «Пантелеймоне» взвивается красный флаг, но только на короткое время: офицеры и часть матросов срывают его. Одинокая, кончающаяся неудачей попытка группы матросов с Сиротенко во главе вызвать восстание еще резче подчеркивает несогласованность в действиях даже наиболее революционной части моряков.

Между тем в городе паника растет. Среди обывателей ползут темные слухи. Страх заставляет их верить, что ночью вырежут всех офицеров, так как только они, мол, удерживают солдат от перехода на сторону флота. Появление на улицах матросских патрулей, высланных по распоряжению комитета депутатов, усиливает панику. Начинается бегство из города буржуазии и семейств военных. По всем дорогам тянутся экипажи с уезжающими...

Утро 13-го ноября опять начинается митингами. Затянувшееся митингование грозит понизить настроение массы. Только отдельные ораторы призывают к активным действиям.

В этот день к матросам присоединяются саперная рота в полном составе и часть крепостной артиллерии. На саперов начальство надеялось и намеревалось ими

заместить рабочих, забастовавших на ближайшем к Севастополю участке железнодорожного пути. Однако, саперы и слушать не хотят начальника инженеров крепости, приехавшего в роту, и под командой унтер-офицера Барышева, переправившись через бухту, подходят с красным знаменем к флотским казармам. Происходит братание. Это поднимает настроение. Пехота на улицах не появляется; в кучках, собирающихся повсюду, уже бранят ее.

Командный состав растерялся. Пытаясь воздействовать на судовые команды, оно то запугивает их, то нерешительно отступает перед ними. На «Очакове» матросам об'являют, что, если крейсер будет отвечать на сигналы с берега, то крепость и эскадра откроют по нем огонь. Приехавших на судно депутатов с берега пытаются не допустить к переговорам с матросами. Но когда команда заявляет, что она поддержит выработанные комитетом требования, офицеры и часть кондукторов[1]) с'езжают с крейсера на броненосец «Ростислав». Делается еще несколько попыток выделить тех, кто «мутит» команду, добиться выдачи бойков от орудий и винтовок. Но комендор[2]) Н. П. Антоненко кричит:

— Оружия не отдавать!

И приезжавшие офицеры снова уезжают, ничего не добившись.

Весь день во флотских казармах непрерывно работает комитет депутатов, состав которого пополняется новыми лицами. Вечером на заседание приезжает приглашенный депутатами самый популярный в это время

---

[1]) Кондуктор — в царском флоте звание, дававшееся сверхсрочно служащим из унтер-офицерских чинов, выдержавшим особый экзамен. Кондуктор являлся помощником офицера-специалиста.

[2]) Комендор — в царском флоте матрос, получивший подготовку в артиллерийском учебном отряде и исполняющий на судне артиллерийские обязанности.

в Севастополе человек—лейтенант Шмидт. Его встречают громкими «ура» и на руках вносят в комитет. Шмидт здоровается со всеми депутатами. Впервые в жизни они жмут руку офицера...

IV. Лейтенант Шмидт.

Безвестный офицер, он сразу выдвинулся в октябрьские дни.

Сын бердянского градоначальника, контр-адмирала Шмидта, Петр Петрович Шмидт по окончании морского корпуса выходит в отставку и поступает на службу в торговый флот. С началом русско-японской войны его призывают из запаса на военную службу. С эскадрой адмирала Рождественского Шмидт отправляется на Дальний Восток. В Порт-Саиде по болезни он списан с эскадры. По возвращении в Черноморский флот Шмидт получает в командование номерной миноносец.

Октябрь 1905 года застает Шмидта в Севастополе. Отсюда он пишет ряд писем в Одессу своим друзьям и сослуживцам по торговому флоту; по его словам, он «остановил пароходное движение только силой несчетного количества писем... Весь ум, весь талант, вся сила слова, порожденная важностью минуты, ушли на эти письма к матросам, и они забастовали» [1]).

17-го октября Шмидт организует «первый в Севастополе митинг». В день получения манифеста он выступает на двух митингах, ночью видит расстрел толпы, пришедшей требовать освобождения арестованных из тюрьмы, в ту же ночь собирает гласных городской думы. На другой день он рассказывает об этом заседании в одном из писем: «заседал в думе на правах

---

[1]) Лейтенант Шмидт. Письма, воспоминания, документы. Центроархив. «Новая Москва». 1922, стр. 168.

гласного 18 часов под-ряд и превратил этих толсто-пузых флегматиков в протестующих борцов»[1]). На многолюдном митинге Шмидта выбирают представителем от народа для участия в работах думы.

20-го хоронят расстрелянных. Толпа в 20.000 человек провожает тела на кладбище. Здесь, над могилами, Шмидт произносит свою знаменитую речь:

— Мы должны успокоить смятенные души усопших,— говорит он,—мы должны поклясться им в этом... Клянемся им в том, что мы никогда не уступим никому ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав! Клянусь!... Клянемся им в том, что всю работу, всю душу, самую жизнь мы положим за сохранение нашей свободы! Клянусь!... Клянемся им в том, что свою общественную работу мы отдадим на благо рабочего, неимущего люда!.... Клянемся им в том, что между нами не будет ни еврея, ни армянина, ни поляка, ни татарина, а что мы все отныне будем равные, свободные братья великой свободной России! Клянусь!... Клянемся им в том, что мы доведем их дело до конца и добьемся всеобщего избирательного права! Клянусь!..».

Как загипнотизированная, многотысячная толпа на кладбище повторяет клятву Шмидта. Незнакомые люди обнимают и целуют его.

Чухнин арестовывает Шмидта. Его перевозят на броненосец «Три Святителя», а оттуда—в госпиталь.

26-го октября севастопольские рабочие выбирают Шмидта своим пожизненным представителем в Совете. «Понимаете ли, сколько счастливой гордости у меня от этого звания,—пишет Шмидт своей корреспондентке.—Вот какую великую честь они сделали мне. Я должен это ценить вдвое, потому что, что может быть более чуждым, как офицер для рабочего... О, я сумею умереть за них. Сумею душу свою положить

---

[1]) Там же, стр. 169.

за них. И ни один из них никогда, ни он, ни их дети, не пожалеют, что дали мне это звание»[1]).

3-го ноября Шмидт выпущен из-под ареста. Чухнин секретным предписанием запрещает ему не только участвовать, но и появляться на митингах, угрожая в противном случае отдачей под суд за неисполнение приказа. Одновременно Чухнин представляет Шмидта к увольнению от службы. 7-го ноября царский приказ выбрасывает Шмидта из рядов флота.

Популярность Шмидта в городе в это время возросла до высших пределов.

Что же представляет собою Шмидт, выдвинутый событиями в эти дни на руководство массами?

Это—бесспорно талантливый человек, не лишенный, однако, некоторого самомнения. Находясь под арестом, он жалуется: «как это мучительно—сидеть в неволе, когда я вижу, что я за два дня больше делаю один, чем обе революционные партии вместе за мое отсутствие»[2]). Он делает, он считает себя призванным делать. Вождь должен обладать определенным мировоззрением. Ничего подобного у Шмидта нет. Об этом свидетельствует и состав его библиотеки. На полках—его «верные друзья». В число их попадают и Михайловский, который для Шмидта «всю свою жизнь был глубоко чтимым руководителем», с которым он переписывался; здесь и Белинский, и Герцен, и Добролюбов, и Шелгунов, и Маркс—рядом с кадетами Милюковым и Карышевым. С одной стороны, «верный друг» Маркс, с другой—признание: «без религии и веры жить нельзя, а можно дрябло влачить дни, тупо ожидая конца»[3]). Причудливая смесь убеждений и взглядов...

Нисколько не определеннее и политические взгляды Шмидта. Он не связывает себя ни с какой партией,

---

[1]) Там же, стр. 171.
[2]) Там же, стр. 192.
[3]) Там же, стр. 94.

готов считать себя беспартийным социалистом. Когда он говорит—«принадлежу с юных лет к крайней левой нашего грядущего парламента, так как я социал-демократ и всю жизнь свою посвятил пропаганде идей научного социализма» [1])—верить этому не приходится. Шмидт вовсе не был социал-демократом и меньше всего мог бы быть им. Через короткое время он пишет: «Я всю жизнь оставался социалистом, не мог присоединиться всецело ни к одной партии, видя, что в лучшем случае (партия социалистов-революционеров) при правильной программе агитация ведется преступно неправильно» [2]). Но и «правильная программа» эс-эров не делает Шмидта безусловным сторонником этой партии. В октябрьские дни он мечтает с'ездить в Москву переговорить с... Милюковым. Шмидт собирается одновременно побывать в Союзе Союзов и в конституционно-демократической партии. «Если мы с этой партией в аграрном вопросе сойдемся, то я присоединяюсь к ним с той частью социал-демократов и социалистов-революционеров, которых я теперь имею» [3]). Этот план свидетельствует о крайней политической наивности Шмидта и одновременно о странных иллюзиях, которые он питает: никаких эс-деков и эс-эров за его спиной, конечно, нет. Мечта Шмидта—создать свою «Великую Российскую Партию Социалистов-Работников». В ее рядах он надеется об'единить все социалистические партии. Это — лишнее доказательство его политической близорукости.

«Беспартийный социалист», полу-кадет, политик, далеко не способный к правильному пониманию группировки общественных сил в противоположность тому, что он думает о себе [4]), Шмидт и по отношению к са-

---

[1]) Там же, стр. 84.
[2]) Там же, стр. 144.
[3]) Там же, стр. 177.
[4]) Там же, ср. стр. 144.

модержавию не является непримиримым его врагом. Несколькими днями позже с борта восставшего «Очакова» он посылает телеграмму царю, «храня заветы и преданность» ему; в последней речи перед судьями он заявляет, что «не принадлежит к республиканским партиям». Это—представитель буржуазной демократической интеллигенции, неуравновешенный, экзальтированный человек, глубоко честный в своих мыслях и поступках, способный на крайние жертвы, но малопригодный для роли вождя.

Слабых сторон Шмидта, его теоретической уязвимости в эти дни еще никто не знает.

В вечернем заседании депутатов флота 13-го ноября в речах Шмидта звучат пессимистические ноты. Не веря в успех матросского движения, в революционность массы, он «измучился в усилиях доказать... несвоевременность такого, не связанного со всею Россией, матросского мятежа» [1]). Он убеждает присутствующих ликвидировать движение, рассказывает о своих планах, о том, что в Москве готовят восстание, что он обещал поднять черноморский флот, советует ждать сигнала из Москвы. Соображение о необходимости поддержки восстания общероссийским движением, разумеется, правильно, но ликвидационно-умеренная в данный момент речь Шмидта вызывает протесты матросов. Шмидт готов взять на себя переговоры с Чухниным, телеграфировать к царю. Матросы этого не хотят. Наконец, Шмидт соглашается принять на себя командование флотом, но обязательным условием ставит бескровную борьбу, отказ от всех требований, кроме требования учредительного собрания.

Наскоро вырабатывается план действий. Шмидт должен об'ехать корабли с призывом к восстанию. В городе будет образовано революционное правительство. Дальше Шмидту рисуется движение флота на

[1]) Там же, стр. 208.

Одессу, присоединение ее гарнизона, потом—Феодосии, Керчи. Крым будет диктовать условия правительству.

«Быть может,—говорит Шмидт,—суждено русской революции начаться не с центра, а с юга. И вот мы ее начинаем» [1].

Депутаты восторженно встречают эти широкие планы.

Это было в последнюю ночь перед восстанием эскадры.

V. Эскадра восстает.

День, когда черноморцы поднимают революционное знамя, 14-е ноября, самодержавие считало одним из своих праздников; это—один из «царских дней». По настоянию солдат, комитет депутатов решает утром устроить парад—«единственное позорящее нас пятно», как говорят впоследствии участники восстания. Солдаты, настаивая на устройстве парада отдельно по полкам, обещают воспользоваться парадом, чтобы после него арестовать своих офицеров.

Перед парадом в комитете появляются представители эс-эров. Они уверяют, что только их партия может довести дело до победы. В ответ им заявляют, что матросы будут с той партией, которая по классовому составу ближе всех подходит к матросской массе [2].

Парад моряков на Лазаревском плацу ничем не напоминает парада революционеров: священник служит молебен и говорит «елейное» слово о необходимости бороться за свои права, но бескровным путем. К концу парада подходит восторженно встречаемый 49-й запасный батальон. Скоро приходят известия о парадах

---

[1]) А. Жительский. «Воспоминания о севастопольском восстании 1905 г.». («Каторга и Ссылка», 1925, № 5 (18), стр. 62).

[2]) Там же, стр. 65.

по частям. Своих обещаний арестовать офицеров солдаты не выполнили,—наоборот, брестцы даже присягнули на верность царю. Пехотинцы, саперы, артиллеристы после того понемногу расходятся из флотских казарм. Остаются в них одни моряки. Разрыв их с гарнизоном теперь определился окончательно. Настроение начинает падать.

Главные события разыгрываются уже не на берегу, а на судах эскадры.

С утра на сигнальной мачте казарм, на «Очакове», на немногих захваченных ночью судах развеваются красные флаги.

С'ехавшие с «Очакова» офицеры делают последнюю попытку уговорить команду отдать ударники и винтовки. Они получают решительный отказ. После этого с'езжают с крейсера остававшиеся еще на нем кондуктора, кроме старшего баталера [1]), С. П. Частника, который в горячей речи призывает команду к выступлению.

Около 3 часов дня приезжает на «Очаков» Шмидт в форме отставного капитана II-го ранга. Давно уже пора приступить к намеченному захвату судов. Шмидт отдает приказ захватить контр-миноносец «Свирепый». Захват проходит удачно. «Свирепый» становится на рейде рядом с «Очаковым». Вместе с ним становятся три номерных миноносца—№№ 265, 268 и 270, приведенные сюда восставшими. Вечером захвачен минный крейсер «Гридень» и сделана неудачная попытка захватить минный транспорт «Буг»».

Ночью «Свирепый» выходить в море, где остается до утра, чтобы потопить яхту «Эреклик», на которой, по слухам, собирается уйти Чухнин. Ночью делаются

---

[1]) Старший баталер—в царском флоте нестроевой унтер-офицерский чин, ведующий приходом и расходом провизии, аммуничными и госпитальными материалами.

новые попытки захватить ряд судов, но безрезультатно.

Тем временем правительственные силы готовятся к выступлению против восставших. Крепость об'явлена на осадном положении. Еще в ночь на 13-е командование начинает переброску полевой артиллерии с Северной стороны в город. Чтобы воспрепятствовать этому передвижению, железнодорожники начинают забастовку. В ночь же на 13-е из Симферополя, под начальством командира 7-го армейского копуса, будущего усмирителя Сибири, генерал-лейтенанта барона Меллер-Закомельского прибывают 3 роты и учебная команда 51-го пехотного Литовского полка. Железнодорожная забастовка удерживает их на станции «Мекензиевы горы», в 18 верстах от Севастополя. Утром литовцы перевозятся на Южную сторону. Теперь пехота и артиллерия начинают располагаться на позициях: на Историческом бульваре—16 орудий и 4 пулемета, в казармах Брестского полка—4 орудия, на Северной стороне—10.

Рано утром 15-го ноября с берега перевозят на «Очаков» арестованных накануне офицеров «Гридня», «Свирепого», «Заветного» и номерных миноносцев. В восьмом часу сигналом с «Очакова» останавливают входящий на рейд из Одессы пассажирский пароход Русского общества пароходства и торговли «Пушкин». У восставших возникают опасения, что на «Пушкине» перевозятся войска. Пассажирам предлагается переехать на «Очаков». Они повинуются. Позже их отпускают, но двое из них, студент Моишеев и Пятин, остаются на крейсере, примыкая к восставшим [1]).

В 8 часов утра—обычный час под'ема флага на военных судах—на «Очакове», на захваченных судах, над

---

[1]) Впоследствии они оба были осуждены на каторгу, откуда бежали. Моишеев жил во Франции и после февральской революции вернулся в Россию. Пятин принял участие в свеаборгском восстании.

флотскими казармами взвиваются красные флаги. В 9 часов на «Очакове» поднят сигнал: «Командую флотом. Шмидт».

Суда, поднявшие красные флаги, отвечают сигналом «Ясно вижу», что равносильно ответу—«Исполняем приказание». Остальные суда на рейде молчат.

Шмидт за своей подписью, как командующего, отправляет телеграмму царю: «Славный черноморский флот, храня заветы и преданность царю, требует от вас, государь, немедленного созыва учредительного собрания и не повинуется более вашим министрам».

Эта телеграмма — новое свидетельство путанности политических взглядов Шмидта.

Утром он снова делает попытку склонить на сторону восставших суда эскадры. Шмидт переходит на контр-миноносец «Свирепый» и в сопровождении портового баркаса обходит стоящие на рейде суда. С восставших судов гремит «ура» команд, с берега несется «ура» публики, толпящейся на Приморском бульваре. При звуках оркестра миноносец скользит мимо молчаливых судов. С мостика Шмидт обращается к командам последних с призывом не слушать офицеров и присоединиться к восставшим. В ответ офицеры осыпают его бранью. Команды молчат. Ответное «ура» раздается только с «Пантелеймона».

«Свирепый» подходит к «Пруту», останавливается в нескольких саженях от него. Минные аппараты на «Свирепом» направлены: один—на «Прут», другой—на флагманское судно «Ростислав» [1]). При первом же выстреле с них мины пустят их ко дну. На катере Шмидт подходит к трапу «Прута» и, сопровождаемый караулом, поднимается на палубу. Он требует от офицеров освобождения содержащихся здесь под арестом «потемкинцев». Ему отвечают, что ключи от их кают вы-

---

[1]) Флагманское судно—судно, на котором находится командующий флотом или эскадрой.

брошены за борт. По приказу Шмидта замки взламываются, и заключенных выпускают. Офицеры «Прута» арестованы и вместе с «потемкинцами» перевозятся на «Очаков». «Прут» остается под красным флагом.

Возвратившийся Шмидт, однако, потрясен тем, что суда эскадры воздержались от присоединения. В горьких словах говорит он о них команде «Очакова». Нервы его не выдерживают: в обморочном состоянии его уносят в каюту.

На «Очаков» прибывает депутация с «Пантелеймона», которая заявляет, что команда—на стороне восставших, и просит помощи для ареста офицеров. Боевая рота и Шмидт отправляются на броненосец и привозят оттуда арестованных офицеров.

Вороницын, приехавший с берега, убеждает Шмидта отправиться на «Ростислав», где команда уже несколько раз пытается поднять красный флаг, каждый раз срываемый офицерами. Шмидт, чувствуя себя слабым, отказывается ехать немедленно: он надеется, что «Ростислав» последует за «Потемкиным».

Из Южной бухты выходит «Гридень», присоединяющийся на рейде к «Очакову».

К 3 часам дня эскадра «красного адмирала» насчитывает: 1 броненосец («Пантелеймон»), 1 крейсер 1-го ранга («Очаков»), 1 минный крейсер («Гридень»), 1 транспорт («Прут»), 3 контр-миноносца («Свирепый», «Заветный», «Смелый») и 3 номерных миноносца (№ 265, № 268 и № 270). Шмидт хорошо понимает, что она не представляет сколько-нибудь серьезной боевой силы. «Очаков» без брони. Его машина едва может развить скорость в 8 узлов. Действовать на крейсере могут только два орудия. «Пантелеймон» разоружен вовсе — ударники от орудий, винтовки свезены с него в порт. Только утром этого дня их отыскали там и теперь поспешно грузят на катер для перевозки на броненосец. Шмидт знает, что и в казармах почти нет оружия. Впоследствии, задавая

себе на суде вопрос, что же давало ему силу стоять во главе движения, он экзальтированно, но не революционно отвечал: «Сознание, что с нами бог, с нами русский нард».

Две стороны стоят друг против друга в этот ноябрьский день. Одна, почти лишенная средств борьбы, неспособная даже, как «Очаков», по мнению Шмидта, уйти от опасности. Другая—вооруженная, приготовившаяся к бою [1]).

Ей отдается приказ приступить к решительным действиями против восставших.

VI. Эскадра под огнем.

На минном транспорте «Буг», стоящем в Южной бухте, находятся около 300 снаряженных мин. Это—сотни пудов динамита и пироксилина, грозящие опасностью городу. Шмидт посылает катер «Удалец» подвести на буксире «Буг» к восставшим судам.

Часы показывают—три пятнадцать дня. В бухте гулко звучит первый орудийный выстрел. Это канонерская лодка «Терец» пускает снаряд в катер восставших... Облако белого пара... Снарядом взорван паровой котел...

«Буг» снимается с якоря. Он несет красный флаг—кто-то поднял его. Глаза всех изумленно следят за судном: кренясь на один борт, транспорт погружается в воду. Офицеры, опасаясь взрыва сотен мин, открыв кингстоны, топят свое судно. И скоро из воды глядят только одни его мачты.

Шмидт приказывает находящемуся на «Свирепом» Сиротенко атаковать «Терец». «Свирепый» идет в Южную бухту; маневрируя, огибая Павловский мысок, он выходит оттуда на большой рейд между «Ро-

---

[1]) Неприсоединившиеся к восстанию суда еще ночью получили свои ударники.

стиславом» и крейсером «Память Меркурия». Его минные аппараты изготовлены. «Ростислав» дает выстрел по миноносцу. Минер у аппарата разорван снарядом. «Память Меркурия» и минный крейсер «Капитан Сакен» поддерживают «Ростислава». К орудийному присоединяется ружейный огонь. Палуба «Свирепого» уже разрушена. Он теряет способность двигаться. Снаряды продолжают осыпать его. «Свирепый» отстреливается, не спуская красного флага. Ища спасения, команда миноносца кидается в воду. Пулеметы с берега осыпают плывущих свинцом. Немногих выплывших и уцелевших схватывают. Революционный командир «Свирепого» Сиротенко погибает вместе с судном. Его труп всплывает через несколько дней.

«Ростислав» начинает обстрел «Очакова». Шмидт, думая обезопасить крейсер от обстрела, собрал на его борту всех арестованных. Перед началом боя он поднял сигнал: «имею много пленных офицеров». Теперь его план терпит крушение. В бой вступают также береговые батареи. Войска поддерживают суда пулеметным огнем. Батарея на Историческом бульваре стреляет по миноносцам. Шлюпки, перевозящие ударники для «Пантелеймона», затоплены. Вся восставшая эскадра находится под огнем. Огонь переносится на флотские казармы. Снаряды «Ростислава» падают во двор их, попадают в здание. Матросы отвечают войскам, засевшим в брестских казармах.

Под непрерывным обстрелом красные флаги на безоружном «Пантелеймоне» и на «Гридне» скоро спускаются. «Очаков» пытается отвечать судам и береговым батареям противника. Но один из снарядов разрывается в его машинном отделении. Вспыхивает пожар. Крейсер горит... Находящиеся на нем снаряды начинают рваться... Борта раскаляются до-красна. Мачты сбиты. Крейсер замолкает. В эту минуту над ним взвивается белый флаг. Это арестованные офицеры и кондуктора, выбежав из кают, поднимают белую скатерть.

Но еще два раза звучат выстрелы с «Очакова»—прощальный салют погребаемой мечте революции. Крепость, полевая батарея с Северной стороны снова посылают ему свои снаряды. Над рейдом высится молчаливая пылающая громада «Очакова». Люди спешат покинуть его. Над бухтой несутся крики о помощи: «бра-а-тцы»... Пловцы хотят достигнуть берега. Их встречают пулеметы и штыки.

Два миноносца—265-й и 268-й—пытаются уйти. Но у Северного берега бухты они вынуждены сдаться.

Неравный бой проигран. Шмидт вынужден спасаться. Вместе с сыном он идет на миноносце № 270 в Артиллерийскую бухту. «Ростислав» дает миноносцу приказ остановиться, но он продолжает уходить. Три выстрела, из которых один пробивает борт, останавливают миноносец. Катер с «Ростислава» доставляет на броненосец одетого в матросскую шинель Шмидта и его сына. Раненый в ногу, Шмидт—в плену у озлобленных врагов.

Над рейдом нависла ночь. Только лучи прожекторов прорезают темноту, да огромный крейсер до утра своим костром рассеивает ее.

Бой в городе еще не кончен. Всю ночь не смолкает ружейная и пулеметная перестрелка возле флотских казарм. Под утро брестцы штурмуют их. 1611 матросов обезоружено, схвачено своими вчерашними союзниками.

Восстание раздавлено.

VII. Мстит правительство, мстят правительству

На борту «Ростислава» офицеры, бывшие товарищи Шмидта, оскорбляют его, издеваются над ним. Шмидт—офицер, открыто вставший на сторону революции, возбуждает бешеную ненависть правительства. С ним спешат расправиться. Николай Романов недоволен медленностью, с которой приближается эта

расправа. Петербург торопит Чухнина покончить с «изменником» Шмидтом.

Целый год тянутся следствие и судебные процессы по делу участников восстания, превращающиеся в неприкрытые акты правительственной мести.

Привлеченных к делу разбивают на три категории. В первую входит Шмидт и участники восстания—«очаковцы», во вторую—матросы других судов, в третью—участники восстания на берегу.

Спустя три месяца после восстания, 7-го февраля 1906 г., начинается «Очаковская трагедия». Дело Шмидта и 40 его товарищей в военно-морском суде Севастопольского порта перенесено слушанием в Очаков. Шмидт, производящий своим поведением на суде колоссальное впечатление даже на судей, в последнем слове заявляет им: «Не горсть матросов и не гражданин Шмидт перед вами. Пред вами здесь на скамье подсудимых вся стомиллионная Россия...». 18-го февраля выносится приговор: Шмидт приговорен к повешению, Частник, Гладков, Антоненко—к расстрелу, большинство остальных обвиняемых—к каторжным работам, 8 чел.—в исправительные арестантские отделения и только несколько человек оправдано. Защита подает жалобу. Сестра Шмидта обращается к царю с ходатайством о помиловании брата. Страна охвачена возбуждением. Под влиянием последнего, премьер-министр Витте настаивает на помиловании. Царь отклоняет просьбы. Право утверждения приговора передано Чухнину. Он его утверждает. Только повешение заменяется Шмидту расстрелом: не нашлось опытного палача.

6-го марта утром на пустынном скалистом острове Березань, недалеко от Очакова, совершается казнь. Расстреливает осужденных команда «Терца». Шмидт, Гладков и Частник падают, пораженные пулями. Красавец Антоненко только ранен и еще жив. Его добивают выстрелом в упор.

Вторую и третью группы судят в Севастополе: вторую, куда входят 86 обвиняемых, в июне—июле 1906 г., третью в составе около 350 чел.—в ноябре. За немногими исключениями, все обвиняемые отказываются присутствовать на суде. По делу второй группы вынесено 4 смертных приговора. Новый командир Черноморского флота вице-адмирал Скрыдлов заменяет казнь бессрочной каторгой. Дело третьей группы разбирается с некоторым запозданием. Севастопольская социал-демократическая организация организует похищение следственного дела из помещения суда. 12 толстых увезенных томов сожжены. Только в ноябре удается приступить к слушанию дела. Снова выносится пять смертных приговоров. Скрыдлов, однако, заменяет казнь каторгой и на этот раз.

Правительство жестоко мстит, но в свою очередь революционеры мстят самодержавию, поднимая руку на его верных прислужников. Эс-эры в 1906 г. организуют в Севастополе ряд покушений на лиц, выступавших палачами в расправе с «очаковцами». 25-го января 1906 г. Е. А. Измайлович стреляет в Чухнина и ранит его. Измайлович без суда моментально расстреляна тут же приближенными адмирала. 9-го мая брошена бомба в коменданта крепости Неплюева, но неудачно. 5-го июня происходит такое же неудачное покушение на командира Брестского полка, полк. Думбадзе. Наконец, 28-го июня матрос Акимов выстрелом из охотничьего ружья смертельно ранит Чухнина.

VIII. Почему восстание потерпело неудачу.

Севастопольское ноябрьское восстание было выступлением матросской массы. Матросы в Севастополе поднимаются первыми. Матросы руководят восстанием. Армейцы, колеблющиеся с самого начала, вскоре же отпадают от движения, позволяя уговорить себя своим офицерам, превращаются в усмирителей и даже пала-

чей товарищей-матросов. Но участник восстания—не вся матросская масса, а лишь наиболее сознательная передовая часть ее, преимущественно та, которая обладает известной технической квалификацией. Это—восстание рабочих в военной форме, восстание стихийное, плохо подготовленное и еще хуже руководимое. Не поддержанное в минуту своей вспышки массовым движением в стране, оно сравнительно легко подавлено правительственными силами, сохранившими на своей стороне преимущества военной техники и организации. Определенной политической цели восстание не достигло. Отчетливого сознания политических задач у массы участников восстания и не было. Однако, на под'ем революционного настроения в стране, в армии и флоте севастопольское восстание влияние оказало. Оно еще яснее показало самодержавию ненадежность его опоры, о чем раньше дало знать восстание «Потемкина».

Из восстания черноморцы вышли разбитыми. Причин этой неудачи было немало.

Прежде всего, оно было не подготовлено. Политическая неподготовленность матросской массы бросается в глаза в первые же дни восстания. Матросы поднимают красный флаг, но вместе с тем поют «боже, царя храни», устраивают молебствия... Еще более политически несознательны армейцы. Отсутствовала в восстании надлежащая организационная подготовка. Слабы были связи матросской массы с партийной организацией. Почти отсутствовала, или, во всяком случае, была очень слаба, связь с севастопольскими рабочими. Конечно, нельзя говорить о розни, якобы существовавшей между матросами и рабочими, как это утверждали севастопольские охранники-жандармы [1], но слабость связи между ними очевидна. Помимо всего, на-

---

[1]) См. доклад ротмистра Васильева в книге «Лейтенант Шмидт», 1922 г., стр. 231.

лицо была и полная военная неподготовленность. Не было достаточного вооружения. Даже часть того, которое раньше имелось в руках, командование успело из'ять. Вооруженной эскадре, орудиям, винтовкам противника приходилось противопоставлять почти один только революционный энтузиазм.

Понятно, что изо всей этой неподготовленности рождалась неуверенность в собственных силах, начинались колебания в матросской среде.

Неподготовлена была масса и к решительным наступательным действиям. Один из руководителей восстания, И. П. Вороницын, утверждал, что идея вооруженного восстания была чужда массе. В еще большей степени она была чужда ее руководителям, социал-демократам меньшевикам и Шмидту. Даже тогда, когда масса уже хваталась за оружие, когда звучали первые выстрелы, меньшевики стремились ввести движение в мирное русло. Меньшевистский комитет был нерешителен, в то время, как необходимо было, по выражению Ленина, «энергичнейшее участие в восстании». Это сказалось вскоре для партии: после неудачи восстания социал-демократы теряют в среде черноморцев свой былой авторитет, и идейное руководство над моряками захватывают эс-эры. На-ряду с меньшевиками и Шмидт до последней минуты говорил о мирном характере движения, о необходимости бескровной борьбы. В этой атмосфере и рождались беспочвенные идеи, в роде идеи забастовки военных моряков.

Отсутствовало, далее, планомерное руководство движением. Плана конкретных ближайших боевых действий не имелось и у Шмидта. Он колеблется, героически подставляет грудь, ищет смерти и легко приходит в уныние. Героическое поведение и героическая смерть Шмидта заставляют преклониться перед ним, но не могут помешать разглядеть его ошибки. Частью благодаря ему, частью благодаря другим руководителям уже в ходе восстания был допущен ряд ошибок, пагубно

отразившихся на исходе борьбы. Слишком мягко отнеслись к начальству. Во флоте не были арестованы кондуктора, которые повели контр-революционную агитацию; в пехоте оставили офицеров и фельдфебелей. Отсюда рождалась провокация, отсюда шло разложение колеблющейся массы. Не было сделано решительных попыток захватить оружие: оставили пулеметы на Историческом бульваре, не завладели минным транспортом, легко позволили обезоружить себя.. Медлили действовать во всем.

Большой политической цели перед глазами массы не стояло. Жертвовать же жизнью ради удовлетворения требований, касающихся службы, стали бы немногие. Поддержки извне, даже из среды близких армейцев, матросы не видели. Руководители в своих речах звали к умеренности и осторожности. Оружием, находящимся в руках, порой оказывались сломанные палаши... И настроение масс, легко повышавшееся, так же легко падало, создавая неблагоприятную для дела атмосферу.

Неудача восстания не уничтожила его исторической значительности. В ряду знаменательных событий пятого года оно осталось памятным моментом борьбы, свидетельствуя о массовых сдвигах в рядах флота и армии. Революционный героизм «очаковцев» был для самодержавия одним из грозных предвестников его приближавшегося конца.

СОДЕРЖАНИЕ:

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА"
за 1925 г.

состоит из 30 книжек (52 номера) размером 16—112 стр. каждая, всего 850 стр.

1. **Вл. Виленский-Сибиряков**—Кровавое воскресенье (9 янв.).
2. „ „ —Ленин в сибирской ссылке.
3—4. **П. Швецов** - Провокатор Окладский.
5. **Билибин**—Орловский централ.
6—7. **М. Ф. Фроленко**—„Милость".
8. **Каллистов**—Тобольский централ.
9—10. **Андрей Соболь** – „Колесуха". Амурск. колесная дорога.
11. **М. Ф. Фроленко**—1881 год.
12. **Н. Подвойский**—Первый совет рабочих депутатов.
13—14. **А. Капгер**—Верхоянская ссылка.
15—19. **Н. М. Дружинин**—Кто были декабристы и за что они боролись?
20—21. **Я. Свердлов**—Царская ссылка за десять лет (1906—1916 гг.).
22—23. **Вл. Виленский-Сибиряков**—Два юбилея (1825 и 1905).
24—25. **С. Сибиряков** Г. И. Котовский.
26. **В. Алексеев**—Николай I и декабристы.
27—29. **Е. Закс**—Побеги русских революционеров.
30—31. **С. Я. Штрайх**—П. Г. Каховский.
32. **С. Я. Штрайх**—К. Ф. Рылеев.
33. **В. Н. Фигнер**—М. В. Новорусский.
34. **С. Я. Штрайх**—М. П. Бестужев-Рюмин.
35—36. **И. Коган**—Декабрьское восстание в Москве 1905 г.
37. **Н. Беркова**—С. М. Кравчинский (Степняк).
38—39. **М. Клевенский**—С. И. Муравьев-Апостол.
40—41. **Ю. Бочаров**—Севастопольское восстание 1905 г.
42—45. **А. Соболь**—„Давай улетим..." Пьеса из жизни каторжан на „колесухе".
46. **И. Коган**—Погромы в дни свобод.
47—48. **Н. Дружинин**—Петербургский Совет Рабочих Депутатов.
49. **В. Фигнер**—Жены декабристов.
50—51. **Маркелов**—П. И. Пестель.
52. **И. Коган**—Карательные экспедиции 1905 г.

Цена полного комплекта Дешев. Библиотеки за 1925 г. 2 р. 50 к

Цена 10 коп.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ

Конторы Издательства Всесоюзного Общества
Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев.
Москва, Лубянский пассаж, 32, тел. 3-64-73.

Склад изданий: Книжный склад „МАЯК“,
Москва, Петровка, 7, телефон 3-63-20.

